

В ПОИСКАХ БАЛАНСА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ПАТТЕРНОВ КАК ОТКЛИК НА ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ

Исследование выполнено в рамках совместной программы Министерства образования и науки РФ и Германской службы академических обменов ДААД «Иммануил Кант».

Раскрывается взаимосвязь между моделью государственной социальной политики и довлеющими паттернами распределения гендерных ролей в публично-профессиональной и приватной сферах общества на примере Германии 1945–2010-х гг.

Ключевые слова: семейная политика; гендер; гендерный порядок; публичная и приватная сферы; баланс жизни и работы; устойчивое развитие; Германия.

Постановка проблемы исследования

В рамках любого общества мы можем наблюдать относительно устойчивый *гендерный порядок*, представленный исторически обусловленными образцами отношений между мужчинами и женщинами [1. С. 98–99]. Деконструктивный анализ гендерного порядка выделяет публичную и приватную сферы: в публичной сфере представлены гендерные отношения и иерархии в политике, экономике и на рынке труда; в приватной объективируются семейно-брачные и интимно-сексуальные отношения. Между публичными и приватными пространствами в жизни индивида существуют многомерные динамические отношения, местом столкновения которых выступает семья – центральный институт в жизни человека [2. С. 324]. Семья является единственной общественной системой, в рамках которой происходят сложные процессы взаимодействия между партнерами, которые пытаются найти оптимальный способ совместного проживания, материального и социального обеспечения, взаимной помощи и эмоциональной поддержки [3].

Важным представляется наблюдение, что сфера семейных отношений не только отражает сложившийся в обществе гендерный порядок, но также является наиболее чувствительной к социальным сдвигам: именно изучение меняющихся стратегий поведения семей может дать исследователю плодотворный материал для оценки хода и последствий трансформаций общества в различных его измерениях.

Одним из стержневых элементов в структуре современных обществ выступает предпосылка, что все люди трудоспособного возраста имеют оплачиваемую работу, и чем дольше, тем лучше [4]. Семья и работа, таким образом, выступают двумя важнейшими элементами биографического портрета любого современного человека, которые представлены в динамическом и, скорее, конфликтном соотношении, нежели в желаемом сочетании. При этом со всей остротой задача поиска *баланса работы и жизни* (*work-life balance*) встает именно перед женщинами, которые повсеместно продолжают выполнять большую часть неоплачиваемой работы (ухода), связанной с ведением домохозяйства, воспитанием детей, уходом за больными и недееспособными членами семьи. Этим

объясняется важность успешного тайминга для качества жизни женщины в его объективном (здоровье, карьера, полнота частной жизни и др.) и субъективном (удовлетворенность, счастье) измерениях [5–7].

Комбинация участия в оплачиваемом и неоплачиваемом труде индивидуальна для каждого общества и опирается на национально-культурные паттерны, регулирующие социально одобряемую роль кормильца в семье и степень участия государственных и общественных институтов в осуществлении заботы. Мы полагаем, что на уровне конкретного домохозяйства это выражается в такой организации разделения труда, которая позволяет максимизировать выгоды, в том числе материальные, для всех его членов, исходя и институциональных условий и культурного контекста соответствующего общества и индивидуальных социодемографических характеристик партнеров: классовой принадлежности, уровня образования, состава семьи [8, 9], о влиянии культуры см.: [10].

Сегодня правительства всех современных стран в той или иной мере помогают семьям справляться с их повседневными заботами и проблемами, проводя семейную политику [11. С. 137], представляющую собой комплекс правовой, экономической и социальной поддержки семей в реализации их социальных функций, связанных с рождением детей и их воспитанием, с содержанием недееспособных членов семьи и уходом за ними [12. С. 56]. При этом стоит иметь в виду многоаспектность и системный характер архитектуры семейной политики, которую правомерно рассматривать не как самостоятельную отрасль, а скорее в качестве совокупности мер, ориентированных на семью [13. С. 582]. В их число входят, например, налоговая, миграционная, образовательная и жилищная политики, непосредственным образом влияющие на жизнь семьи [2. С. 324].

В европейском академическом дискурсе к семейной политике предъявляется требование *устойчивого развития* (*sustainability*), т.е. адаптивности, способности гибко реагировать как на изменяющиеся параметры среды, так и на персональные требования индивидов, ищущих баланс между работой и жизнью [14. С. 3; 15]. В качестве важнейшей задачи формулируется сохранение жизнеспособности семьи в условиях индивидуализации и де-стандартизации ее форм. По-

добный запрос к семейной политике диктует важность ее детального анализа с точки зрения ее когерентности современным социокультурным тенденциям и ожиданиям общества.

Опыт Германии дает исследователю широкие возможности для анализа динамических изменений в макро- и микросреде как результата воздействия разных моделей социальной политики. Германия как уникальное государство *натурального эксперимента* [16. С. 934] представляет собой результат объединения двух социоэкономических систем, единых в национальном, культурном и языковом измерениях, но при этом на протяжении сорока лет развивавшихся в разной идеологической, экономической и социокультурной среде. Результатом стало формирование диаметрально противоположных по целям семейной и гендерной политик, что в свою очередь определило характер доминирующих образцов мужских и женских биографий и паттернов межличностных отношений [17, 18]. Анализ процесса и результатов объединения с очевидной гегемонией западногерманского опыта позволяет как выявить позитивные тенденции, так и вскрыть места напряжений, возникающих в процессе неравномерного транзита.

На рубеже XX–XXI вв. Германия представляла собой типичный образец государства, проводящего консервативную социальную политику и поддерживающего традиционное разделение ролей на рынке труда и в семейной сфере [18, 19]. Гендерное разделение труда в семье стимулировалось практикой совместного налогообложения, наиболее благоприятного в случае семей с одним кормильцем, щедрыми выплатами матерям-домохозяйкам, специфической организацией системы общественного ухода за детьми и образования [20, 21].

С середины 2000-х гг. в обществе, в соответствии с общеевропейскими трендами, начинают происходить существенные сдвиги в публичных и приватно-семейных отношениях [22], стимулируемые многоаспектной государственной политикой *в скандинавском стиле*, которую можно охарактеризовать как эгалитарную и гендерно-чувствительную, ориентированную на достижение принципиального равенства прав и обязанностей мужчин и женщин в публичной и приватной сферах [23]. Анализ данных процессов позволяет выявить механизм взаимодействия между меняющимися социально-политической средой и более устойчивыми гендерно-культурными установками общества [24], а также влияние разных моделей политики на стратегии поведения индивидов [18].

Цель статьи состоит в том, чтобы, опираясь на методологию гендерного и сравнительного подходов, проанализировать, каким образом общество реагирует на изменение властного дискурса в области семьи и родительства, а также оценить эффективность комплекса социально-политических мер, направленных на поддержку семьи в современной Германии. Наш аналитический интерес, с одной стороны, сосредоточен на выявлении национально-специфических особенностей в формировании стратегий достижения баланса между работой и семьей в Германии. С дру-

гой стороны, мы выявим микросоциальные детерминанты, определяющие предпочтительность тех или иных паттернов совмещения оплачиваемого труда и ухода на уровне домохозяйств. Мы предполагаем, что описание механизмов, которые способствуют достижению баланса труда и заботы в Германии, может представлять собой методологически и инструментально ценную основу для анализа социальных и семейных практик в других странах Западной и Восточной Европы.

Трансформация семейной политики и гендерного дискурса в Германии после 1945 г.

Формирование основ новой государственности, и в том числе семейной политики в Восточной и Западной Германии происходило в контексте преодоления обществом разрушительных последствий войны и постепенного возвращения к *стандартизированному жизненному циклу* [25]. В 1945 г. большинство немцев – как на востоке, так и на западе – не считали победивших союзников своими освободителями; они не интересовались политикой и не были вовлечены в активную борьбу с наследием национал-социализма. На индивидуальном уровне проблемы военного времени артикулировались в контексте личных потерь семьи, друзей и соседей, дома, утраты прежних ценностей и взглядов. Общество не было объединено коллективным чувством вины или осуждением фашизма, но, наоборот, переживало процессы самоактуализации и индивидуализации: после 1945 г. многие люди пытались по-новому переписать свои биографии. Исследователи отмечают, что подобные процессы происходили в восточных землях Германии после падения Берлинской стены [26].

В обстановке деполитизации и дезинтеграции общества складывались новые государства Западной и Восточной Германии, которые быстро стали приобретать специфические черты и во многом открыто противопоставлять себя друг другу, в том числе с точки зрения видения семьи и характера гендерных отношений в обществе. И ГДР, и ФРГ институционализировали в своих политико-правовых системах *Vaterstaat*, объявив себя защитниками интересов женщин, однако опирались они на различные представления о том, что на самом деле женщинам нужно [27]. Равенство прав, которым немецкие мужчины и женщины обладали с 1918 г., было по-новому закреплено в конституциях Западной и Восточной Германии, за чем, однако, последовала принципиально различная их имплементация в семейном и трудовом законодательстве [28]. Результатом стало формирование двух контрастных моделей семейно-трудовых отношений: модели двухкарьерной семьи в Восточной Германии, в рамках которой от женщины ожидалось полноценное трудовое участие и обязательное материнство, а также западногерманской консервативной модели мужчины-добытчика и женщины – матери и домохозяйки, опирающейся на идеи разных по содержанию, но равных по значимости для общества гендерных ролей [29, 30]. Немецкий социолог М. Ферре обращает внимание

на неравносность гендерных отношений, воспроизводимых обеими системами, называемых ею *публичной и частной патриархией* [31].

На востоке Германии социалистическое государство проводило политику активного вмешательства в частно-семейную сферу, ориентируясь на прямую поддержку женщин в их желании как можно раньше стать матерями и как можно активнее принимать участие в общественно-полезном труде. Социальный контракт в ГДР предполагал существенную поддержку домохозяйств государством, которое к моменту падения Берлинской стены прямым или косвенным способом субсидировало порядка 80% стоимости содержания детей и тем самым освобождало женщин для оплачиваемого труда [15].

Такая политика встречала в обществе отклик в виде высокой и ранней среди европейских стран рождаемости, в то время как в западной части страны негативные демографические тенденции наблюдались с 1950 гг. и фактически не реагировали на попытки их инструментальной корректировки. На момент объединения уровень рождаемости составлял 1,9 ребенка на одну женщину (в сравнении с 1,4 ребенка в Западной Германии), а возраст первого материнства – 22 года [32, 33]. К 1989 г. матерями было уже около 90% женщин Восточной Германии; сознательно бездетными являлись 12% женщин на востоке и 26% жительниц Западной Германии [32]. К концу 1980-х гг. женщины составляли 49% всей рабочей силы ГДР, что стало наивысшим показателем уровня женской занятости в мире [34], а в 1991 г. только 3 из 100 женщин были готовы представить себя домохозяйками [35]. Типичная модель восточногерманской семьи, таким образом, была представлена молодыми работающими родителями с двумя детьми, а вследствие высокого уровня разводов и внебрачных отношений также одинокими матерями [25].

Примечательно, что, несмотря на декларацию равенства полов, восточногерманское государство никак не артикулировало проблему гармонизации гендерных ролей в приватной сфере, тем самым возлагая на женщин ответственность за домашний труд и депривуя положение мужчин в качестве супругов и отцов [36]. Обобщая данную тенденцию на все социалистические общества, немецкие исследователи У. Бер и Ю. Чапульски замечают: «Поразительно, как буквально роль женщин в государственных социалистических системах была сведена к объекту политических игр, и как неявно мужчины были исключены из модели двойной нагрузки женщин» [37. С. 17].

Источником государственности для образованной в 1949 г. в оккупационной зоне союзных сил Федеративной Республики Германия стало ценностное поле католической церкви, которая была определена союзниками в качестве института, не подвергшегося воздействию нацистского режима [38, 39]. Католическое социальное учение, объединенное с прусской протестантской бюрократической культурой и относительно либеральными экономическими взглядами, заложили основы западногерманского социального рыночного государства (*soziale Marktwirtschaft*), которое

можно определить как христианско-демократическое с точки зрения идеологии и консервативно-корпоративистское и фамилистское с точки зрения довлеющих паттернов социальных отношений [16, 40, 41]. Долгое время находясь фактически в замороженном состоянии, эта модель была унаследована объединенной Германией и стала объектом трансформаций только в последние десятилетия [42, 43].

На протяжении 1950-х гг. в структуре населения Германии наблюдался существенный перевес женщин (65%); мужчины стали *дефицитным товаром* [35. С. 96], а незамужние и сознательно бездетные подвергались критике за аморальность. Единственным институтом, способным справиться с пугающим дисбалансом, мыслилась стабильная и консервативная семья, надежно интегрированная в общество за счет выполнения важнейших функций производства и воспроизводства на основе традиционного разделения гендерных ролей. Классики Франкфуртской социологической школы полагали, что только в том государстве, где есть свобода и пространство для встречи трех основ – семьи, индивида и демократии – могут родиться такие доблести, как мужество (*Zivilcourage*) и готовность стоять за свои идеалы [44. С. 127]. Утверждение приоритета семьи и частной жизни, свободных от государственного контроля, означало не только окончательный ценностный разрыв с наследием национал-социализма, но, одновременно, конструирование противовесных ГДР моделей общества и семьи [35. С. 98].

На волне таких общественных настроений началась эпоха консервативной политики, инициированной первым федеральным христианско-демократическим правительством во главе с канцлером К. Аденауэром, который хотел возродить буржуазный облик довоенной Германии с сильным и влиятельным средним классом. Обновленная система частных отношений опиралась на консервативные паттерны частной жизни Веймарской республики с ценностной доминантой в виде нуклеарной семьи, представленной сильным и авторитетным мужчиной и выполняющей вспомогательные функции женщиной [27]. Система социального обеспечения Западной Германии была сконструирована таким образом, чтобы гарантировать максимальные привилегии квалифицированным и стабильно работающим мужчинам, исполняющим роли законного мужа, отца и главы семьи, и женщинам, функционально связанным с семьей, домом и детьми [45, 46]. Иными словами, государство поддерживало не индивидов, но занимаемые ими статусы и исполняемые обязательства – мужа по отношению к жене, родителей и детей, родственников и соседей по отношению друг к другу [15]. Отклонение от желаемой нормы приводило к экономическим санкциям и общественной депривации, что на себе испытывали незарегистрированные пары, матери-одиночки и рожденные вне брака дети. Дизайн системы налогообложения, рассчитываемого совместно для супругов и возрастающего в случае появления в семье второго источника дохода в виде заработка жены, а также щедрые пособия по уходу за ребенком, исключаящие

женщину из активной занятости до достижения ребенком как минимум 3-летнего возраста, закрепили в качестве доминирующих традиционные гендерные контракты *мужчины-кормильца* и *женщины-домохозяйки* и сформировали гендерно-асимметричный характер политики ФРГ [21, 47].

Экономическая рецессия конца 1970 – 1980-х гг., однако, потребовала обращения к *Stille Reserve* женского труда и инициировала политику *нового материнства* (*Neue Mütterlichkeit*) [28. С. 417]. Стимулируя экономическую активность женщин на рынке труда и одновременно решая задачу преодоления демографического кризиса, консервативное правительство ФРГ усилило поддержку родительства, помогая женщине комбинировать оплачиваемую занятость и выполнять материнские обязанности [15]. К концу 1980-х гг. в ФРГ около 30% женщин в возрасте 15–65 лет работали полную 37-часовую неделю; всего трудоустроенных было 56% женщин [48]. Женская занятость, тем не менее, продолжала оставаться более чувствительной к количеству и возрасту детей, чем в других западных странах [49]; также сохранялась тенденция низкой экономической активности среди женщин среднего класса за счет высокого уровня зарплат у мужчин. Немецкий социолог М. Рерих отмечает, что наиболее распространенным гендерным паттерном средних слоев являлась двухкарьерная семья с разнообразием форм женской занятости, делегирующая уходные практики и менеджмент быта платным институтам и сектору неформальной экономики, а также опирающаяся на поддержку со стороны расширенной социальной сети женщины [50. С. 31].

Таким образом, вопреки распространению эгалитаристских взглядов в западном обществе и когерентного данной тенденции дискурса европейской политики, общественные отношения в Германии в конце XX в. сохранили отчетливо консервативный характер. Даже в феминистской риторике в Западной Германии женская занятость фактически не звучала в контексте требуемого права и признака независимости немецкой женщины. Представления о лучшей жизни связывались с домашней сферой, тесным контактом между матерью и ребенком, радостью совместных повседневных занятий [51].

Особенности и результаты объединения Германии в макро- и микросоциальной перспективах

Сорокалетие, прошедшее между возведением и разрушением в 1989 г. стены между Восточной и Западной Германиями, существенным образом видоизменило социальные отношения в обществе, разделяющем единые национальные, исторические и культурные паттерны. Хотя Германия сделала существенные шаги на пути гендерной ассимиляции, но и сегодня наследие прошлых гендерных режимов продолжает быть ощутимым как на уровне общественной структуры, так и паттернов межличностного поведения [52, 53].

Слияние двух политических и экономических систем для Восточной Германии означало полную

трансформацию рынка труда и социально-экономических отношений между населением и государством. На смену *обществу труда* (*Arbeitsgesellschaft*) должен был прийти более современный уклад с децентрализованными властными отношениями, гибкой структурой занятости, усиленной информационной и сервисной экономикой, восстановленной классово-стратификационной структурой общества и свободной от вмешательства государства приватной сферой [54]. Связанное с этим радикальное перераспределение труда и заботы, ресурсов, доходов и возможностей отразилось на жизни всего общества, однако в различной степени: проигравшими в результате объединения оказались женщины, в одночасье лишившиеся экономической независимости, социальных гарантий и ряда гражданских прав [17; 28. С. 394; 55]. Для женщин ГДР объединение означало регрессию к довоенным гендерным ролям в отношении утраты ими статуса центрального объекта социально-политического регулирования и получателя многочисленных преференций от государства [56]. Ликвидация государственной системы поддержки материнства сделала невозможной полноценное экономическое участие; кроме того, экономический кризис привел к значительному сокращению числа детских учреждений на предприятиях, а за счет приватизации государственного сектора – к росту цен на услуги содержания детей [56. С. 44; 57]. Деиндустриализация и диверсификация признанной неэффективной социалистической экономики привели к ликвидации целых секторов и сокращению занятости в других. В человеческом измерении это означало, что между 1990 и 1992 гг. было потеряно три из девяти миллионов рабочих мест, две трети из которых до этого были заняты женщинами [55]. Солидарное прежде общество обнаружило себя в условиях острой конкурентной борьбы [27. С. 149], в которой мужчины вытесняли женщин, а одинокие и мобильные – лиц с детьми и обязанностями; преимуществом становились более высокая квалификация и молодой возраст.

На разрушение системы жизнеобеспечения восточные немцы отреагировали мгновенно и резко: с 1990 по 1992 г. количество браков и рождений в новых землях сократилось в два раза. В 1992 г. уровень рождаемости достиг рекордно низкого уровня в 0,8 ребенка на одну женщину, и несмотря на то, что исследователи конституировали существенное снижение уровня фертильности во всех странах бывшего социалистического блока [58, 59], прецедента подобного восточногерманскому нет в истории [60–62]. «Дети стали вопросом денег, а семья – объектом финансового планирования», – как заметила в интервью исследователю Г. Бютов респондент из восточных земель, а бывший гражданский инженер пояснила: «В ГДР перед женщинами никогда не стоял выбор, иметь детей или работу. У нас было и то и другое, и мы никогда не ставили это под сомнение. На Западе взгляды по поводу работы и семьи определяются финансами... Сейчас мы живем в неопределенности... Никто не знает, как все будет развиваться в будущем. [После объединения]

нас бросили в холодную воду и заставляют плыть» [63. С. 48, 56].

К середине 1990-х гг. развитие кризисных явлений в демографии населения было остановлено: замедлились процессы миграции, постепенно стало восстанавливаться репродуктивное поведение, хотя уже преимущественно в паттернах западногерманского малодетного общества. Немецкий социолог Э. Бек-Гернсхайм склонна связывать неполное восстановление уровня рождаемости на востоке страны с общими для всех постсовременных обществ тенденциями: открытие восточногерманского общества существенно расширило личностные и карьерные горизонты молодых поколений, тем самым вариативно обогатив жизненные циклы и отодвинув сроки рождения детей [64], хотя возраст женщины при рождении первого ребенка в восточных землях по-прежнему более ранний, чем на западе [65].

Не согласные с новой властью в видении пассивной домашней роли жительницы новых земель продолжали сопротивляться переменам в социальной структуре и демонстрировали приверженность паттернам публичной активности [66]. Для девяти из десяти женщин разных социальных классов, семейных статусов и возрастов занятость продолжала быть не только источником собственных доходов, но также атрибутом качества жизни и компонентом личностной самореализации [9; 55. С. 221]. В опросах 1989–1995 гг. только 14% женщин высказывали положительное отношение к жизни в статусе домохозяйки, а число называющих занятость в качестве очень важной доходило до 98% [67]. Отметим здесь также устойчивость паттернов репродуктивного и родительского поведения: даже к 2000 г. около половины детей в новых землях продолжало рождаться вне брака по сравнению с 19% на западе, а семьи в восточных землях чаще пользовались услугами яслей (34% против 7%) и детских садов на полный день (56% против 20%) [27. С. 162].

Последнее десятилетие XX в. принесло перемены и в жизнь относительно стабильного общества старых федеральных земель Германии. Среди наиболее заметных тенденций – рост числа занятых женщин, в основном за счет перехода домохозяек к различным паттернам неполной занятости (*one-and-a-half-earner family*), часто в третичном секторе экономики, и, таким образом, дальнейшее распространение двухкарьерных моделей семейной экономики, хотя и при сохранении преобладания женского труда в приватной и мужского доминирования в публичной сферах [15; 68. С. 145; 69; 70].

Правовые и политические нововведения хотя и символизировали собой движение по направлению к выравниванию прав и возможностей мужчин и женщин, не изменили сути социальных отношений: в конце XX в. Западная Германия представляла собой консервативное фамилистское общество [71], опирающееся и воспроизводящее гендерное разделение труда в публичном и приватном пространстве. Сложившийся в конце века образец гендерных отношений немецкий исследователь Б. Пфау-Эффингер

назвала современной моделью мужчины-добытчика (*modernised male breadwinner model*) [72].

Вышеуказанные тенденции в совокупности с необходимостью имплементации европейских норм инициировали во властных и академических кругах дебаты по поводу необходимости редизайна всего комплекса мер и инструментов политики, связанных с поддержкой семьи, что привело к новому витку реформ в 2000-х гг.

От консерватизма к устойчивому развитию: современные подходы к семейной политике в Германии

Становление современного этапа политики в отношении семьи и занятости в Германии происходило в контексте формирования единого правового пространства Европейского союза. Статья 2 Амстердамского договора определила в качестве задачи для всех входящих в ЕС государств повсеместное содействие равенству прав и возможностей мужчин и женщин, что предполагало, в числе прочего, устранение правовых и институциональных барьеров, препятствующих достижению гендерного равенства на рынке труда. Выполнение данных обязательств означало, что отныне властные элиты были призваны использовать *гендерную линзу* при анализе социально-политических процессов и корректирующем на них воздействии для формирования единого жизненного пространства, одинаково благоприятствующего женщинам и мужчинам [27].

В период полномочий правительства социал-демократов и *зеленых*, находившихся у власти в 1998–2005 гг., социальная и семейная политика Германии претерпела отчетливые сдвиги в характерном для всего европейского пространства направлении стимулирования активной занятости родителей и расширения прав и поддержки детей [73]. Пришедшая им на смену коалиция социал- и христианских демократов во главе с Ангелой Меркель интенсифицировала процессы реформирования правовых и институциональных основ внутренней политики в модернизационном (*Scandinavian-like, Nordic-style, Swedish-style*) ключе [4, 9, 18, 22]. Изменения в семейной политике сделали ее ощутимо более гендерно-чувствительной, нежели ориентированной на поддержку материнства [27. С. 206; 74, 75].

В 2005 г. правительство Меркель представило обновленную гибкую схему оплачиваемого перерыва в занятости для ухода за ребенком. Начиная с 2007 г. оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком сокращается с 24 до 14 месяцев, не менее двух из которых должен использовать второй родитель [76]. Примечательно, что, как и в прошлом, женщины из восточных земель, тяготеющие к паттернам активного совмещения занятости и материнства, быстрее и последовательнее откликаются на изменения родительской программы отпусков [18. С. 571]. Кроме того, существенно увеличилось число мужчин (до 10,5% в 2008 г.), воспользовавшихся возможностью взять родительский отпуск, однако больше полови-

ны из них ограничились обязательными двумя месяцами и только около 2% оформили отпуск на полный срок [76. С. 300; 77]. По данным Федерального офиса статистики, к середине 2009 г. среди всех получателей пособий по уходу за ребенком (*Elterngeld*) мужчин было уже 18%.

В период с 2007 по 2014 г. государство инвестировало в инфраструктуру детского ухода порядка 5,4 млрд евро [78], что должно было позволить организовать 780 тыс. мест и тем самым перевыполнить европейскую директиву на 5%. По состоянию на 2013 г., реальный показатель достиг в среднем 29,3% с существенными, однако, вариациями в масштабе страны, воспроизводящими традиционную дихотомию паттернов ухода на западе и востоке страны [32, 62]. В результате установленную ЕС норму в 35% удалось достичь всем новым федеральным землям и городу Гамбург на западе [79]. Помимо того, мало-востребованными оказываются услуги полудневного пребывания: в 2011–2012 гг. ими пользовались около 13% воспитанников детских учреждений младше трех лет, в том числе порядка 8% в западных землях [78].

В последние годы исследователи, предпринимающие попытки всесторонне оценить положение женщины в современной Германии, отмечают неравномерность властных усилий в разных сферах политики, в результате чего до сих пор сохраняется гендерная асимметрия в общественных отношениях. Так, в политико-правовом комплексе до сих пор присутствуют нормы, которые можно оценить как наследие консервативно-фамилистской модели семейной политики, ориентированной на поддержку однокарьерной семьи. Так, система расчёта совместной налоговой нагрузки для супругов, благоприятствующая домохозяйствам с одним (или полутора) источником дохода, по-прежнему играет роль ограничителя экономической активности женщин [80]. Отмечается улучшение положения женщин во власти и сфере занятости, однако до сих пор сохраняются ощутимые гендерные различия в образовании и последующих карьерных траекториях: по сравнению с мужчинами женщины недостаточно представлены в инженерных и технических специальностях, на высокооплачиваемых должностях в сфере управления. Типичными сферами занятости для женщин по-прежнему остаются профессии, связанные с обслуживанием и уходом [81. С. 260]. В монетарном выражении гендерный разрыв на рынке труда в Германии оценивается в 22,8%, что является одним из худших показателей в Европе [82]; кроме того, женщины являются основными получателями большинства государственных социальных услуг и потому больше других страдают от их сокращения. Четыре из шести политических партий, регулярно заседающих в Бундестаге с момента объединения Германии, имплементировали 25–50% квоты на представительство женщин, которые на высшем уровне власти способствуют продвижению гендерного равенства [83]. Так, в марте 2015 г. парламентом был одобрен закон 30%-ного представительства женщин в высшем руководстве крупнейших немецких компаний [84]. Суммарный итог действий и противодействий –

11-е место в 2013 г. в глобальном рейтинге стран, достигших гендерного равенства, ежегодно публикуемого в рамках Мирового экономического форума [85].

Обратимся теперь к тем переменам, которые последние десятилетия принесли в жизнь немецкого общества. Каковы паттерны повседневной жизни в современной Германии?

Домашняя работа, воспитание детей, уход за больными и пожилыми людьми по-прежнему являются женским трудом – бесплатным в границах семьи и малопrestiжным в условиях оплачиваемой занятости [50, 53, 76]. Ежедневно на ведение быта и уход за детьми у женщин уходит 57 часов на западе и 59 – на востоке страны [16]. Исследования обнаруживают, что в новых федеральных землях характер распределения обязанностей в приватной сфере носит более эгалитарный характер; западногерманские семьи с более высоким уровнем доходов чаще обращаются к помощи наемного персонала [16].

В условиях возрастающей экономической активности женщинам немецкого общества также приходится сталкиваться с феноменом двойной нагрузки, и *большой* объем ресурсов помогает им лучше справляться с задачей поиска *баланса семьи и работы* [9]. Социальная конструкция повседневной жизни в современной Германии представляет собой сложную систему индивидов, ролей и паттернов кооперации, требует высокой степени активизма женщины и наличия финансово-организационных ресурсов. Сети поддержки (частично) работающих матерей включают старших родственников и оплачиваемых работников, оказывающих помощь в уходе за детьми и ведении домашнего быта. При этом, если частный качественный уход за детьми стоит сравнительно дорого и оказывается в основном немецкими гражданами со специальным образованием (*Tagesmutter*), то бытовые услуги (*Bügelfrau*, от *bügeln* – гладить; *Putzfrau*, от *putzen* – убирать) чаще всего предоставляются мигрантами женского пола из Турции и стран Восточной Европы, заполняющих теневой низкооплачиваемый сектор занятости [16]. *Маркетизация заботы*, предполагающая уход за зависимыми гражданами за пределами семьи, в Германии осуществляется преимущественно волонтерским сектором [86]. Паттерны желаемого воспитания детей предполагают участие общественных институтов, предоставляющих (часто на добровольческой основе) большой объем разнообразных видов образовательной и досуговой активности (вечерние группы, дополнительные занятия, спортивные и творческие секции и пр.). Среди соседей, друзей и родителей из детского сада выстраиваются многомерные цепи ресурсообмена информационного, инструментального и материального характера. В обязанности женщины входят ежедневные переговоры, организация и координация всех взаимодействий во времени и пространстве, а также корректировка и компенсация (часто собой) их сбоя; на символическом уровне ею также реализуется функция придания ценностно-смысловой полноты, цельности и связности жизни всей семьи.

В разрезе *запад – восток* по-прежнему наблюдается разница в предпочтительных паттернах совмещения занятости и ухода. Матери из старых федеральных земель придерживаются более *семейно ориентированных* установок на воспитание детей и отдают предпочтение частичной занятости [87]. На востоке страны женщины активнее как на рынке труда, так и в пользовании услугами институционального ухода [88], и этот паттерн более распространен среди образованных классов.

Анализ эмпирических данных, осуществленный У. Шмидт-Дентер, выявил положительную зависимость между высоким социальным положением семьи и активным участием отца в воспитании детей [89]. Сегодня многие молодые образованные мужчины в Германии хотят не только нести финансовую ответственность за благополучие семьи, но также уделять больше внимания общению с детьми [90–92]. Готовность мужчин исполнять роль *модерного кормильца*, однако, не всегда встречает общественную поддержку. Исследователи отмечают недостаточную проработку комплекса мер, обеспечивающих мужчинам совмещение отцовства и карьеры; 68% молодых отцов по-прежнему не могут воспользоваться отпуском по уходу за ребенком из-за трудностей с сокращением количества рабочих часов [93].

В 2008 г. впервые в новейшей истории в Германии установился паритет рождаемости между западом и востоком страны. Продолжается увеличение возраста первого опыта материнства: в период 2001–2008 гг. он вырос на один год. Женщины в восточных землях, однако, заводят детей на один год раньше (в 27,5 лет в 2008 г.), хотя с начала пост-юнификационного кризиса здесь так и не восстановилось количество семей с двумя детьми [58]. Ожидается, что возрастная когорта, рожденная в 1970-х гг., станет *переломным поколением* в общегерманских тенденциях фертильности, после чего уровень рождаемости начнет расти [32].

Обобщенные выводы на основе многочисленных эмпирических свидетельств и данных статистики указывают на то, что сфера межличностных отношений в Германии начала XXI в. испытывает те же трансформации и напряжения, что характерны для всех развитых стран. Индикаторами *постсовременной* хрупкости и неустойчивости семьи являются снижение продолжительности брака, рост числа разводов, мультипликация форм партнерства, тенденции нуклеаризации домохозяйств [14, 94].

В европейском контексте важность системного ответа на вызовы современного общества последовательно артикулирована в академическом дискурсе. В ходе масштабного международного исследования под руководством немецкого социолога Х.-П. Блоссфельда было обнаружено, что степень влияния как негативных, так и позитивных эффектов глобализации на общество непосредственно зависит от социальной, экономической и семейной политики государства [3]. Большой корпус кросс-национальных исследований подтверждает значительность влияния модели семейной политики на активность женщин на рынке труда, например [20, 95, 96]. Достигнуто понимание, что проблема низкой рождаемости детерминирована комплексом институциональных, социокультурных и ценностно-мотивационных факторов [97, 98], а потому не может быть решена исключительно пронаталистскими социально-политическими мерами. Современная семейная политика должна представлять собой гибкий и многоаспектный комплекс норм и мероприятий, отражающих динамику социальных трансформаций, но также учитывающих исходный культурно-исторический контекст и гендерный уклад общества [99–101]. На идейном уровне она должна быть основана на принципах признания и уважения многообразия общества с точки зрения конфигураций биографического пути, ценностных ориентиров и семейно-репродуктивных паттернов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge : Polity Press, 1987.
2. Ловцова Н. Здоровая, благополучная семья – опора государства? Гендерный анализ семейной социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 323–341.
3. Lange A., Jurczyk K. The Globalized Family / Family Experiment. Deutsches Jugendinstitut Bulletin. München, 2010.
4. Daly M. What adult worker model? A critical look at recent social policy reform in Europe from a gender and family perspective // Social politics: international studies in gender, state & society. 2011. № 18 (1). P. 1–23.
5. Рождественская Е.Ю. Биография как социальный феномен и объект социологического анализа : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2012. 555 с.
6. Klammer U. et al. WSI Frauen Daten Report. Handbuch zur wirtschaftlichen und sozialen Situation von Frauen. Berlin : Edition Sigma, 2000.
7. Janczyk S., Correll L., Lieb A. Quo vadis Arbeit? Jenseits verengter Perspektiven und Deutungsmuster, Discussion Papers 1, Marburg: GendA – Netzwerk feministische Arbeitsforschung, 2003.
8. Pfau-Effinger B. Gender cultures and the gender arrangement – a theoretical framework for cross-national comparisons on gender // Innovation: the European Journal of Social Sciences. 1998. № 11. P. 147–166.
9. Hofäcker D., Stoilova R., Riebling J.R. The gendered division of paid and unpaid work in different institutional regimes: Comparing West Germany, East Germany and Bulgaria // European sociological review. 2013. № 29 (2). P. 192–209.
10. Stoilova R., Riebling J., Hofäcker D. Division of paid and unpaid work – Patterns of Social Inequality: A comparison of Germany, Bulgaria, France and Hungary, TransEurope Working Paper, 34. Bamberg : University of Bamberg, 2011.
11. Cheal D.J. Families in Today's World: Comparative Approach. N.Y., 2008.
12. Носкова А. Семейная политика в Европе: эволюция моделей, дискурсов, практик // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 56–67.
13. Kamerman S.B., Kahn A.J. The normative / ideological context of policy formation: Has the United States learned from Europe? // Review of Policy Research. 1989. № 8 (3). P. 581–598.
14. Family Experiment. Deutsches Jugendinstitut Bulletin. München, 2010.
15. Leitner S., Ostner I., Schmitt C. Family policies in Germany. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. P. 175–202.

16. Cooke L.P. Persistent policy effects on the division of domestic tasks in reunified Germany // *Journal of Marriage and Family*. 2007. № 69 (4). P. 930–950.
17. Duggan L. Restacking the deck: family policy and women's fall-back position in Germany before and after the unification // *Feminist Economics*. 2010. № 1(1). P. 175–194.
18. Ziefle A., Gangl M. Do Women Respond to Changes in Family Policy? A Quasi-Experimental Study of the Duration of Mothers' Employment Interruptions in Germany // *European Sociological Review*. 2014. № 30 (5). P. 562–581.
19. Lietzmann T. After recent policy reforms in Germany: Probability and determinants of labour market integration of lone mothers and mothers with a partner who receive welfare benefits // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2014. № 21 (4). P. 585–616.
20. Pettit B., Hook J.L. *Gendered Tradeoffs: Family, Social Policy, and Economic Inequality in Twenty One Countries*. N.Y. : Russell Sage Foundation, 2009.
21. Korpi W., Ferrarini T., Englund S. Women's opportunities under different family policy constellations: gender, class, and inequality tradeoffs in western countries re-examined // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2013. № 20 (1). P. 1–40.
22. Lewis J. et al. Patterns of development in work / family reconciliation policies for parents in France, Germany, the Netherlands, and the UK in the 2000s // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2008. № 15 (3). P. 261–286.
23. Spieß C.K., Wrohlich K. The parental leave benefit reform in Germany: costs and labour market outcomes of moving towards the Nordic Model // *Population Research and Policy Review*. 2008. № 27. P. 575–591.
24. Pfau-Effinger B. Cultural and institutional contexts. Dividing the domestic // *Men, women and household work in cross-national perspective*. 2010. P. 125–146.
25. Corsten M. Commentary: Sociological Images of Modern Germany // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2001. № 15 (2). P. 379–393.
26. Von Plato A. An Unfamiliar Germany: Some Remarks on the Past and Present Relationship between East and West Germans // *Oral History*. 1993. P. 35–42.
27. Ferree M.M. *Varieties of Feminism: German gender Politics in Global Perspective*. CA : Stanford University Press, 2012.
28. Mazari S., Gerhard U., Wischermann U. Germany // Griffin G. (ed.). *Women's employment, women's studies and equal opportunities 1945–2001: reports from nine European countries*. Ulrike Helmer Verlag, 2002.
29. Ostner I., Schmitt C. Family Policies in the context of Family Change. The Nordic Countries in Comparative Perspective. Wiesbaden : VS, 2008.
30. Chamberlayne P. Women and social policy // *Social Policy in Germany*. 1994. P. 173–190.
31. Ferree M.M. Sociological perspectives on gender in Germany // *Women in German Yearbook*. 1996. № 12. P. 27–38.
32. Goldstein J.R., Kreyenfeld M. Has East Germany overtaken West Germany? Recent trends in order-specific fertility // *Population and Development Review*. 2011. № 37 (3). P. 453–472.
33. Witte J.C., Wagner G.G. Declining fertility in East Germany after unification: A demographic response to socioeconomic change // *Population and Development Review*. 1995. P. 387–397.
34. Pritchard R.M.O. Gender and education in East Germany after unification // *Reinventing Gender: Women in Eastern Germany Since Reunification*. London: Frank Cass, 2003. P. 78–99.
35. Ostner I. Slow motion: women, work and the family in Germany // *Women and social policies in Europe: Work, family and the state*. 1993. P. 110–112.
36. Rüchemeyer M. Women in the politics of Eastern Germany: the dilemmas of Unification // *Women in the Politics of Post-communist Eastern Europe*. M.E. Sharpe, Armonk, NY, 1994. P. 87–116.
37. Beer U., Chapulsky J. The transformation of gender relations in the transition from socialism to capitalism. American Institute for Contemporary German Studies, Johns Hopkins University, Washington, D.C., August 4, 1993.
38. Gerhard U. German Women and the Social Costs of Unification // *German Politics and Society*. 1991–2. № 24 (5). P. 16–33.
39. Moeller R.G. *Protecting motherhood: Women and the family in the politics of postwar West Germany*. CA : University of California Press, 1993.
40. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge : Polity Press, 1990.
41. Mayer K.U., Diewald M., Solga H. Transitions to post-communism in East Germany: Worklife mobility of women and men between 1989 and 1993 // *Acta Sociologica*. 1999. № 42 (1). P. 35–53.
42. Esping-Andersen G. After the golden age? Welfare state dilemmas in a global economy // *Welfare states in transition: National adaptations in global economies*. 1996. P. 1–31.
43. Leitner S., Lessenich S. Assessing welfare state change: the German social insurance state between reciprocity and solidarity // *Journal of Public Policy*. 2003. № 23 (3). P. 325–347.
44. Adorno T. W. *Satzzeichen*. Frankfurt, 1974.
45. Pfaff A.B., Roloff J. Familienpolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Gewinn oder Verlust für die neuen Bundesländer // *Ifg Frauenforschung*. 1990. № 4 (90).
46. Trappe H., Rosenfeld R.A. How do children matter? A comparison of gender earnings inequality for young adults in the former East Germany and the former West Germany // *Journal of Marriage and Family*. 2000. № 62 (2). P. 489–507.
47. Korpi W. Faces of inequality: Gender, class, and patterns of inequalities in different types of welfare states // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2000. № 7 (2). P. 127–191.
48. Blossfeld H.-P., Rohwer G. Part-time work in West Germany // *Between Equalization and Marginalization*. 1997. P. 164–190.
49. Gornick J.C., Meyers M.K., Ross K.E. Public policies and the employment of mothers: A cross-national study // *Social Science Quarterly*. 1998. № 79. P. 35–54.
50. Rerrich M.S. Modernizing the patriarchal family in West Germany. Some findings on the redistribution of family work between women // *European Journal of Women's Studies*. 1996. № 3 (1). P. 27–37.
51. Becker-Schmidt R. et al. *Arbeitsleben–Lebensarbeit. Konflikte und Erfahrungen von Fabrikarbeiterinnen*. Bonn, 1983.
52. Bauer U., Dähner S. *Das volle Leben // Frauenkarrieren in Ostdeutschland*. Berlin : Bundesministerium des Innern, 2010.
53. Ebert I.D., Steffens M.C., Kroth A. Warm, but maybe not so competent? Contemporary implicit stereotypes of women and men in Germany // *Sex roles*. 2014. № 70 (9–10). P. 359–375.
54. Gleiser S. Der Arbeitsmarkt für Akademiker // *Die Zukunft der Akademikerbeschäftigung*. 1996. S. 11–45.
55. Behrend H., Maynard M., Purvis J. East German women five years after the Wende. New frontiers in women's studies: knowledge, identity and nationalism // *Social Policy in Germany*. 1996. P. 220–42.
56. Adler M.A. Social change and declines in marriage and fertility in Eastern Germany // *Journal of Marriage and the Family*. 1997. P. 37–49.
57. Rindfuss R.R., Brewster K.L. Childrearing and fertility // *Population and Development Review*. 1996. P. 258–289.
58. Frejka T., Sobotka T. Overview Chapter 1: Fertility in Europe: Diverse, delayed and below replacement // *Demographic research*. 2008. № 19 (3). P. 15–46.
59. Billingsley S. The post-communist fertility puzzle // *Population research and policy review*. 2010. № 29 (2). P. 193–231.
60. Цанф В. и др. Германия: трансформация через объединение // *Социологические исследования*. 2002. № 5. С. 19–37.
61. Winkler G. *Frauenreport 90*. Berlin : Verlag Die Wirtschaft, 1990.
62. Oliver R.J., Mätzke M. Childcare expansion in conservative welfare states: Policy legacies and the politics of decentralized implementation in Germany and Italy // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2014. № 21 (2). P. 167–193.

63. Bütow B. Frauenerwerbsarbeit in den neuen Bundesländern und Anforderungen an Frauenpolitik am Beispiel von empirischen Ergebnissen einer soziologischen Studie aus Sachsen // Sozialwissenschaften und Berufspraxis. 1992. № 15. S. 376–393.
64. Beck-Gernsheim E. Stabilität der Familie oder Stabilität des Wandels? Zur Dynamik der Familienentwicklung. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1997. S. 65–80.
65. Kreyenfeld M. Das zweite Kind in Ostdeutschland: Aufschub oder Verzicht? / Rembrandt Scholz and Marc Luy (eds.) // Die Bevölkerung in Ost- und Westdeutschland: Demografische und ökonomische Aspekte 15 Jahre nach der Wende: VS Verlag, 2008. S. 100–123.
66. Ferree M.M. The Rise and Fall of 'Mommy Politics': Feminism and Unification in (East) Germany // Feminist Studies. 1993. № 19. P. 89–115.
67. Schröter U. Ostdeutsche Frauen: sechs Jahre nach dem gesellschaftlichen Umbruch: auswertung empirischer Daten zur sozialen Situation Ostdeutscher Frauen. Trafo-Verlag, 1995.
68. Lewis J. The End of Marriage? Individualism and Intimate Relationships Cheltenham, Edward Elgar, 2001.
69. Rosenfeld R.A., Trappe H., Gornick J.C. Gender and work in Germany: Before and after reunification // Annual Review of Sociology. 2004. P. 103–124.
70. Hanel B., Riphahn R.T. The employment of mothers—recent developments and their determinants in East and West Germany // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 2012. S. 146–176.
71. Esping-Andersen G. Social foundations of postindustrial economies. Oxford University Press, 1999.
72. Pfau-Effinger B., Sakac-Magdalenic S. Informal employment in the work-welfare arrangement of Germany. L. : Routledge, 2010.
73. Daly M. Changing conceptions of family and gender relations in European welfare states and the third way // Welfare state change. Towards a third way, 2004. P. 135–154.
74. Mätzke M., Ostner I. The role of old ideas in the new German family policy agenda // German Policy Studies. 2010. № 6 (3). P. 119–162.
75. Del Boca D., Flinn C., Wiswall M. Household choices and child development // The Review of Economic Studies. 2014. № 81 (1). P. 137–185.
76. Henninger A., Wimbauer C., Dombrowski R. Geschlechtergleichheit oder exklusive Emanzipation? Ungleichheitssoziologische Implikationen der aktuellen familienpolitischen Reformen // Berliner Journal für Soziologie. 2008. № 18 (1). S. 99–128.
77. Чернова Ж. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 15 (1).
78. BMFSFJ (2012–2013). Erster bis Vierter Zwischenbericht zur Evaluation des Kinderförderungsgesetzes. Berlin : Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend.
79. Klinkhammer N. Flexible und erweiterte Kinderbetreuung in Deutschland. Ergebnisse einer Recherche zu ausgewählten Beispielen. München, 2008.
80. Bäcker G., Neuffer S. Von der Sonderregelung zur Beschäftigungsnorm: Minijobs im deutschen Sozialstaat // WSI Mitteilungen. 2012. № 1. S. 13–21.
81. Smyth E., Steinmetz S. Field of study and gender segregation in European labour markets // International Journal of Comparative Sociology. 2008. № 49 (4–5). P. 257–281.
82. Leschke J., Jepsen M. Is the Economic Crisis Challenging the Prevailing Gender Regime? A Comparison of Denmark, Germany, Slovakia, and the United Kingdom // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 2014. № 21 (4). P. 485–508.
83. Xydias C. Women's Rights in Germany: Generations and Gender Quotas // Politics & Gender. 2014. № 10 (1). P. 4–32.
84. Deutsche Welle 2015. URL: <http://www.dw.de/бундестаг-принял-закон-о-женских-квотах/a-18299782>
85. Bekhouh Y. et al. The global gender gap report. Geneva : Switzerland, World Economic Forum, 2013.
86. Чернова Ж. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 9 (3). С. 295–318.
87. Konietzka D., Kreyenfeld M. The growing educational divide in mothers' employment: an investigation based on the German micro-censuses 1976–2004 // Work, Employment & Society. 2010. № 24 (2). P. 260–278.
88. Trappe H., Sorensen A. Economic relations between women and their partners: an East and West German comparison after reunification // Feminist Economics. 2006. № 12 (4). P. 643–665.
89. Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75–89.
90. Abel F., Abel J. Zwischen neuem Vaterbild und Wirklichkeit. Die Ausgestaltung der Vaterschaft bei jungen Vätern. Ergebnisse einer qualitativen Studie / Vaterwerden und Vatersein heute. Neue Wege – neue Chancen. Herausgegeben von der Bertelsmann Stiftung. Gütersloh, 2009. S. 231–249.
91. Zerle C., Krok I. Null Bock auf Familie? Der schwierige Weg junger Männer in die Vaterschaft. Edited by the Bertelsmann Stiftung. Gütersloh, 2008.
92. Matzner M. Vaterschaft aus der Sicht von Vätern. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004.
93. Zerle C., Krok I. Fathers Put to the Test // Family Experiment. Deutsches Jugendinstitut Bulletin. München, 2010.
94. Beck U., Beck-Gernsheim E. Families in a runaway world // The Blackwell companion to the sociology of families. 2014. P. 499–514.
95. Mandel H., Semyonov M. Family policies, wage structures, and gender gaps: sources of earnings inequality in 20 countries // American Sociological Review. 2005. № 70. P. 949–967.
96. Kenworthy L. Jobs with Equality. Oxford : Oxford University Press, 2008.
97. McDonald P. Low Fertility and the State: The Efficacy of Policy // Population and Development Review. 2006. № 32 (3). P. 485–510.
98. Клулт М. Демографическая повестка XXI века: теория и реалии // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 60–71.
99. Чернова Ж. Гендерный анализ семейной политики в современной России: особенности и тенденции : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2013.
100. Hochschild A.R. The Second Shift. N.Y. : Penguin Books, 2003.
101. Wierda-Boer H.H. et al. Combination strategies and work-family interference among dual-earner couples in Finland, Germany, and the Netherlands // Community, Work and Family. 2009. № 12 (2). P. 233–249.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 11 сентября 2015 г.

SEEKING A BALANCE: THE TRANSFORMATION OF GENDER PATTERNS AS A RESPONSE TO THE SHIFTS IN THE STATE FAMILY POLICY (A CASE OF GERMANY)

Tomsk State University Journal, 2015, 400, 88–99. DOI: 10.17223/15617793/400/14

Sazonova Polina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Goethe University of Frankfurt (Frankfurt, Germany). E-mail: lukinapv@rambler.ru

Keywords: family policy; gender; gender order; public and private spheres; work-life balance; sustainability; Germany.

There are multi-dimensional dynamic relationships between the public and the private space in the individual's life, and the family is the place of their collision. It is important to underline that family reacts sensitively to social changes. Following the developments in family behavior strategies can provide fruitful material for a researcher who aims to evaluate the progress and the conse-

quences of the transformation of the society in its various dimensions. Nowadays, governments of all modern countries help families to some extent to cope with their daily concerns and challenges by conducting a *family policy*, which is a complex of legal, economic and social support for families in carrying out their social functions associated with birth and raise of children, as well as care for disabled family members. This article is an attempt to analyze the impact of different models of the family policy on the distribution of tasks in paid labor and family economy between men and women. The example of Germany which experienced multiple shifts in its policy direction in the recent decades provides rich material for cultural and historical comparison. After 1945, two opposite family and gender policies in the divided Germany were initialized. The GDR and the FRG institutionalized strong political and legal systems by declaring themselves as defenders of the interests of women, based on different perceptions of what women really need. The outcome was the formation of two contrasting models of family and labor relations: the *two-earner family model* in the GDR, in which a woman was expected to participate fully in the labor market along with the compulsory motherhood; and the conservative model of a *male-breadwinner* and a *woman-housewife* in the FRG, which is based on the idea of women's specific gender role: different to men's role in content, but equal in the value to the society. The analysis of the process and the results of German reunification with the apparent hegemony of the West German experience allows to identify positive trends as well as to reveal stresses arising in the course of such a non-equilibrium transit. Since the mid-2000s, there are significant changes in the labor market and in the private family relations in Germany. It is argued to be a respond to the new *Scandinavian-like* state policy, which can be characterized as egalitarian and gender-sensitive, targeted at achieving the equality of rights and duties of men and women in the public and the private spheres. The approach to the family policy is connected with the demand for *sustainability*, understood as the ability to respond flexibly both to the changing environment and to the personal demands of individuals looking for a work-life balance. A sustainable family policy should be designed as a flexible set of norms that reflect the dynamics of the social changes and recognize the diversity of an individual's configuration of a biographical way, family values and reproductive patterns.

REFERENCES

- Connell, R. (1987) *Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Lovtsova, N. (2003) Zdorovaya, blagopoluchnaya sem'ya – opora gosudarstva? Gendernyy analiz semeynoy sotsial'noy politiki [A healthy, happy family, the support of the state? Gender analysis of family social policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 1. pp. 323–341.
- Lange, A. & Jurczyk, K. (2010) The Globalized Family. In: *Family Experiment. Deutsches Jugendinstitut Bulletin*. München.
- Daly, M. (2011) What adult worker model? A critical look at recent social policy reform in Europe from a gender and family perspective. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 18 (1). pp. 1–23.
- Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2012) *Biografiya kak sotsial'nyy fenomen i ob"ekt sotsiologicheskogo analiza* [Biography as a social phenomenon and the object of sociological analysis]. Sociology Dr. Diss. Moscow.
- Klammer, U. et al. (2000) *WSI Frauen Daten Report. Handbuch zur wirtschaftlichen und sozialen Situation von Frauen*. Berlin: Edition Sigma.
- Janczyk, S., Correll, L. & Lieb, A. (2003) Quo vadis Arbeit? *Jenseits verengter Perspektiven und Deutungsmuster*, Discussion Papers 1. Marburg: GendA – Netzwerk feministische Arbeitsforschung.
- Pfau-Effinger, B. (1998) Gender cultures and the gender arrangement – a theoretical framework for cross-national comparisons on gender. *Innovation: the European Journal of Social Sciences*. 11. pp. 147–166. DOI: 10.1080/13511610.1998.9968559
- Hofäcker, D., Stoilova, R. & Riebling, J.R. (2013) The gendered division of paid and unpaid work in different institutional regimes: Comparing West Germany, East Germany and Bulgaria. *European Sociological Review*. 29 (2). pp. 192–209. DOI: 10.1093/esr/jcr055
- Stoilova, R., Riebling, J. & Hofäcker, D. (2011) Division of paid and unpaid work – Patterns of Social Inequality: A comparison of Germany, Bulgaria, France and Hungary. *TransEurope Working Paper*, 34. Bamberg: University of Bamberg.
- Cheal, D.J. (2008) *Families in Today's World: Comparative Approach*. New York: Routledge.
- Noskova, A. (2014) Semeynaya politika v Evrope: evolyutsiya modeley, diskursov, praktik [Family policy in Europe: evolution of models, discourses, practices]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 5. pp. 56–67.
- Kamerman, S.B. & Kahn, A.J. (1989) The normative / ideological context of policy formation: Has the United States learned from Europe? *Review of Policy Research*. 8 (3). pp. 581–598.
- Family Experiment. (2010) *Deutsches Jugendinstitut Bulletin*. München.
- Leitner, S., Ostner, I. & Schmitt, C. (2008) *Family policies in Germany*. VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Cooke, L.P. (2007) Persistent policy effects on the division of domestic tasks in reunified Germany. *Journal of Marriage and Family*. 69 (4). pp. 930–950. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2007.00422.x
- Duggan, L. (2010) Restacking the deck: family policy and women's fall-back position in Germany before and after the unification. *Feminist Economics*. 1(1). pp. 175–194. DOI: 10.1080/714042220
- Ziefle, A. & Gangl, M. (2014) Do Women Respond to Changes in Family Policy? A Quasi-Experimental Study of the Duration of Mothers' Employment Interruptions in Germany. *European Sociological Review*. 30 (5). pp. 562–581. DOI: 10.1093/esr/jcu056
- Lietzmann, T. (2014) After recent policy reforms in Germany: Probability and determinants of labour market integration of lone mothers and mothers with a partner who receive welfare benefits. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 21 (4). pp. 585–616. DOI: 10.1093/sp/jxu011
- Pettit, B. & Hook, J.L. (2009) *Gendered Tradeoffs: Family, Social Policy, and Economic Inequality in Twenty One Countries*. New York: Russell Sage Foundation.
- Korpi, W., Ferrarini, T. & Englund, S. (2013) Women's opportunities under different family policy constellations: gender, class, and inequality tradeoffs in western countries re-examined. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 20 (1). pp. 1–40. DOI: 10.1093/sp/jxs028
- Lewis, J. et al. (2008) Patterns of development in work / family reconciliation policies for parents in France, Germany, the Netherlands, and the UK in the 2000s. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 15 (3). pp. 261–286. DOI: 10.1093/sp/jxn016
- Spieß, C.K. & Wrohlich, K. (2008) The parental leave benefit reform in Germany: costs and labour market outcomes of moving towards the Nordic Model. *Population Research and Policy Review*. 27. pp. 575–591. DOI: 10.1007/s11133-008-9086-5
- Pfau-Effinger, B. (2010) Cultural and institutional contexts. In: Treas, J. & Drobníč, S. (eds) *Dividing the domestic. Men, women and household work in cross-national perspective*. Stanford: Stanford University Press.
- Corsten, M. (2001) Commentary: Sociological Images of Modern Germany. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 15 (2). pp. 379–393. DOI: 10.1023/A:1012985421341
- Von Plato, A. (1993) An Unfamiliar Germany: Some Remarks on the Past and Present Relationship between East and West Germans. *Oral History*. 21:1. pp. 35–42.
- Ferree, M.M. (2012) *Varieties of Feminism: German gender Politics in Global Perspective*. CA: Stanford University Press.
- Mazari, S., Gerhard, U. & Wischermann, U. (2002) Germany. In: Griffin, G. (ed.) *Women's employment, women's studies and equal opportunities 1945–2001: reports from nine European countries*. Ulrike Helmer Verlag.

29. Ostner, I. & Schmitt, C. (2008) *Family Policies in the context of Family Change. The Nordic Countries in Comparative Perspective*. Wiesbaden: VS.
30. Chamberlayne, P. (1994) Women and social policy. In: Clasen, J. & Freeman, R. (eds) *Social Policy in Germany*. London: Harvester.
31. Ferree, M.M. (1996) Sociological perspectives on gender in Germany. *Women in German Yearbook*. 12. pp. 27–38.
32. Goldstein, J.R. & Kreyenfeld, M. (2011) Has East Germany overtaken West Germany? Recent trends in order-specific fertility. *Population and Development Review*. 37 (3). pp. 453–472. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2011.00430.x
33. Witte, J.C. & Wagner, G.G. (1995) Declining fertility in East Germany after unification: A demographic response to socioeconomic change. *Population and Development Review*. 21:2. pp. 387–397. DOI: 10.2307/2137500
34. Pritchard, R.M.O. (2003) Gender and education in East Germany after unification. In: Kolinsky, E. & Hildegard, M.N. (eds) *Reinventing Gender: Women in Eastern Germany Since Reunification*. London: Frank Cass.
35. Ostner, I. (1993) Slow motion: women, work and the family in Germany. In: Lewis, J. (ed.) *Women and social policies in Europe: Work, family and the state*. Aldershot: Edward Elgar.
36. Rüschemeyer, M. (1994) Women in the politics of Eastern Germany: the dilemmas of Unification. In: Rüschemeyer, M. (ed.) *Women in the Politics of Post-communist Eastern Europe*. Armonk, NY: M.E. Sharpe.
37. Beer, U. & Chapulsky, J. (1993) *The transformation of gender relations in the transition from socialism to capitalism*. American Institute for Contemporary German Studies. Johns Hopkins University. Washington, D.C. August 4.
38. Gerhard, U. (1991–2) German Women and the Social Costs of Unification. *German Politics and Society*. 24 (5). pp. 16–33.
39. Moeller, R.G. (1993) *Protecting motherhood: Women and the family in the politics of postwar West Germany*. CA: University of California Press.
40. Esping-Andersen, G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
41. Mayer, K.U., Diewald, M. & Solga, H. (1999) Transitions to post-communism in East Germany: Worklife mobility of women and men between 1989 and 1993. *Acta Sociologica*. 42 (1). pp. 35–53.
42. Esping-Andersen, G. (1996) After the golden age? Welfare state dilemmas in a global economy. In: Esping-Andersen, G. *Welfare states in transition: National adaptations in global economies*. SAGE Publications Ltd.
43. Leitner, S. & Lessenich, S. (2003) Assessing welfare state change: the German social insurance state between reciprocity and solidarity. *Journal of Public Policy*. 23 (3). pp. 325–347. DOI: 10.1017/S0143814X03003155
44. Adorno, T.W. (1974) *Satzzeichen*. Frankfurt.
45. Pfaff, A.B. & Roloff, J. (1990) Familienpolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Gewinn oder Verlust für die neuen Bundesländer. *Iff Frauenforschung*. 4 (90).
46. Trappe, H. & Rosenfeld, R.A. (2000) How do children matter? A comparison of gender earnings inequality for young adults in the former East Germany and the former West Germany. *Journal of Marriage and Family*. 62 (2). pp. 489–507.
47. Korpi, W. (2000) Faces of inequality: Gender, class, and patterns of inequalities in different types of welfare states. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 7 (2). pp. 127–191. DOI: 10.1093/sp/7.2.127
48. Blossfeld, H.-P. & Rohwer, G. (1997) Part-time work in West Germany. In: Blossfeld, H.-P. & Hakim, C. (eds) *Between Equalization and Marginalization*. Oxford University Press.
49. Gornick, J.C., Meyers, M.K. & Ross, K.E. (1998) Public policies and the employment of mothers: A cross-national study. *Social Science Quarterly*. 79. pp. 35–54.
50. Rerrich, M.S. (1996) Modernizing the patriarchal family in West Germany. Some findings on the redistribution of family work between women. *European Journal of Women's Studies*. 3 (1). pp. 27–37. DOI: 10.1177/135050689600300103
51. Becker-Schmidt, R. et al. (1983) *Arbeitsleben-Lebensarbeit. Konflikte und Erfahrungen von Fabrikarbeiterinnen*. Bonn.
52. Bauer, U. & Dähner, S. (2010) *Das volle Leben. Frauenkarrieren in Ostdeutschland*. Berlin: Bundesministerium des Innern.
53. Ebert, I.D., Steffens, M.C. & Kroth, A. (2014) Warm, but maybe not so competent? Contemporary implicit stereotypes of women and men in Germany. *Sex roles*. 70 (9–10). P. 359–375. DOI: 10.1007/s11199-014-0369-5
54. Gleiser, S. (1996) Der Arbeitsmarkt für Akademiker. In: Tessaring, M. (ed.) *Die Zukunft der Akademikerbeschäftigung*. Dokumentation eines Workshops der Bundesanstalt für Arbeit, 26.-27. März 1996 in Nürnberg. Beiträge zur Arbeitsmarkt- und Berufsforschung, 201. Nürnberg.
55. Behrend, H., Maynard, M. & Purvis, J. (1996) East German women five years after the Wende. In: Maynard, M. & Purvis, J. (eds) *New frontiers in women's studies: knowledge, identity and nationalism. Social Policy in Germany*. Taylor & Francis Group.
56. Adler, M.A. (1997) Social change and declines in marriage and fertility in Eastern Germany. *Journal of Marriage and the Family*. 59:1. pp. 37–49. DOI: 10.2307/353660
57. Rindfuss, R.R. & Brewster, K.L. (1996) Childrearing and fertility. *Population and Development Review*. 22. pp. 258–289. DOI: 10.2307/2808014
58. Frejka, T. & Sobotka, T. (2008) Overview Chapter 1: Fertility in Europe: Diverse, delayed and below replacement. *Demographic research*. 19 (3). pp. 15–46. DOI: 10.4054/DemRes.2008.19.3
59. Billingsley, S. (2010) The post-communist fertility puzzle. *Population Research and Policy Review*. 29 (2). pp. 193–231. DOI: 10.1007/s11113-009-9136-7
60. Zapf, W. et al. (2002). Germaniya: transformatsiya cherez ob"edinenie [Germany: transformation through unification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 5. pp. 19–37.
61. Winkler, G. (1990) *Frauenreport 90*. Berlin: Verlag Die Wirtschaft.
62. Oliver, R.J. & Mätzke, M. (2014) Childcare expansion in conservative welfare states: Policy legacies and the politics of decentralized implementation in Germany and Italy. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 21 (2). pp. 167–193. DOI: 10.1093/sp/jxu001
63. Bütow, B. (1992) Frauenerwerbsarbeit in den neuen Bundesländern und Anforderungen an Frauenpolitik am Beispiel von empirischen Ergebnissen einer soziologischen Studie aus Sachsen. *Sozialwissenschaften und Berufspraxis*. 15. pp. 376–393.
64. Beck-Gernsheim, E. (1997) *Stabilität der Familie oder Stabilität des Wandels? Zur Dynamik der Familienentwicklung*. VS Verlag für Sozialwissenschaften.
65. Kreyenfeld, M. (2008) Das zweite Kind in Ostdeutschland: Aufschub oder Verzicht? In: Scholz, R. & Luy, M. (eds) *Die Bevölkerung in Ost- und Westdeutschland: Demografische und ökonomische Aspekte 15 Jahre nach der Wende*. VS Verlag.
66. Ferree, M.M. (1993) The Rise and Fall of 'Mommy Politics': Feminism and Unification in (East) Germany. *Feminist Studies*. 19. pp. 89–115. DOI: 10.2307/3178354
67. Schröter, U. (1995) *Ostdeutsche Frauen: sechs Jahre nach dem gesellschaftlichen Umbruch: auswertung empirischer Daten zur sozialen Situation Ostdeutscher Frauen*. Trafo-Verlag.
68. Lewis, J. (2001) *The End of Marriage? Individualism and Intimate Relationships*. Cheltenham, Edward Elgar.
69. Rosenfeld, R.A., Trappe, H. & Gornick, J.C. (2004) Gender and work in Germany: Before and after reunification. *Annual Review of Sociology*. 30. pp. 103–124. DOI: 10.1146/annurev.soc.30.012703.110531
70. Hanel, B. & Riphahn, R.T. (2012) The employment of mothers—recent developments and their determinants in East and West Germany. *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 232/2. pp. 146–176.
71. Esping-Andersen, G. (1999) *Social foundations of postindustrial economies*. Oxford University Press.
72. Pfau-Effinger, B. & Sakac-Magdalena, S. (2010) *Informal employment in the work-welfare arrangement of Germany*. London: Routledge.
73. Daly, M. (2004) Changing conceptions of family and gender relations in European welfare states and the third way. In: Lewis, J. & Surender, R. (eds) *Welfare state change. Towards a third way*. Oxford University Press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/0199266727.003.0007>

74. Mätzke, M. & Ostner, I. (2010) The role of old ideas in the new German family policy agenda. *German Policy Studies*. 6 (3). pp. 119–162. DOI:10.1080/01442872.2013.875153
75. Del Boca, D., Flinn, C. & Wiswall, M. (2014) Household choices and child development. *The Review of Economic Studies*. 81 (1). pp. 137–185.
76. Henninger, A., Wimbauer, C. & Dombrowski, R. (2008) Geschlechtergleichheit oder exklusive Emanzipation? Ungleichheitssoziologische Implikationen der aktuellen familienpolitischen Reformen. *Berliner Journal für Soziologie*. 18 (1). pp. 99–128.
77. Chernova, Zh. (2012) Family Policies in Western European Countries: the Models of Fatherhood. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 15 (1). (In Russian).
78. BMFSFJ. (2012–2013) *Erster bis Vierter Zwischenbericht zur Evaluation des Kinderförderungsgesetzes*. Berlin: Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend.
79. Klinkhammer, N. (2008) *Flexible und erweiterte Kinderbetreuung in Deutschland. Ergebnisse einer Recherche zu ausgewählten Beispielen*. München.
80. Bäcker, G. & Neuffer, S. (2012) Von der Sonderregelung zur Beschäftigungsnorm: Minijobs im deutschen Sozialstaat. *WSI Mitteilungen*. 65-1. pp. 13–21.
81. Smyth, E. & Steinmetz, S. (2008) Field of study and gender segregation in European labour markets. *International Journal of Comparative Sociology*. 49 (4–5). pp. 257–281. DOI: 10.1177/0020715208093077
82. Leschke, J. & Jepsen, M. (2014) Is the Economic Crisis Challenging the Prevailing Gender Regime? A Comparison of Denmark, Germany, Slovakia, and the United Kingdom. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 21 (4). pp. 485–508. DOI: 10.1093/sp/jxu013
83. Xydias, C. (2014) Women's Rights in Germany: Generations and Gender Quotas. *Politics & Gender*. 10 (1). pp. 4–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S1743923X13000524>
84. Deutsche Welle. (2015) Available from: <http://www.dw.de/bundestag-prinyal-zakon-o-zhenskikh-kvotakh/a-18299782>.
85. Bekhouch, Y. et al. (2013) *The global gender gap report*. Geneva, Switzerland, World Economic Forum.
86. Chernova, Zh. (2011) Kto, o kom i na kakikh usloviyakh dolzhen zabotit'sya? Gendernyy analiz rezhimov zaboty i semeynoy politiki [Who should care for whom and under what conditions? Gender analysis of modes of care and family policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 9 (3). pp. 295–318.
87. Konietzka, D. & Kreyenfeld, M. (2010) The growing educational divide in mothers' employment: an investigation based on the German micro-censuses 1976–2004. *Work, Employment & Society*. 24 (2). pp. 260–278. DOI:10.1177/0950017010362140
88. Trappe, H. & Sorensen, A. (2006) Economic relations between women and their partners: an East and West German comparison after reunification. *Feminist Economics*. 12 (4). pp. 643–665.
89. Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2010) Fatherhood: a liberal trend from father to daddy? *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3. pp. 75–89. (In Russian).
90. Abel, F. & Abel, J. (2009) Zwischen neuem Vaterbild und Wirklichkeit. Die Ausgestaltung der Vaterschaft bei jungen Vätern. Ergebnisse einer qualitativen Studie. In: Stiftung, B. (ed.) *Vaterwerden und Vatersein heute. Neue Wege – neue Chancen*. Gütersloh.
91. Zerle, C. & Krok, I. (2008) Null Bock auf Familie? In: Stiftung, B. (ed.) *Der schwierige Weg junger Männer in die Vaterschaft*. Gütersloh.
92. Matzner, M. (2004) *Vaterschaft aus der Sicht von Vätern*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
93. Zerle, C. & Krok, I. (2010) Fathers Put to the Test. Family Experiment. *Deutsches Jugendinstitut Bulletin*. München.
94. Beck, U. & Beck-Gernsheim, E. (2004) Families in a runaway world. In: Scott, J., Treas, J. & Richards, M. (eds) *The Blackwell companion to the sociology of families*. Wiley-Blackwell.
95. Mandel, H. & Semyonov, M. (2005) Family policies, wage structures, and gender gaps: sources of earnings inequality in 20 countries. *American Sociological Review*. 70. pp. 949–967. DOI: 10.1177/000312240507000604
96. Kenworthy, L. (2008) *Jobs with Equality*. Oxford: Oxford University Press.
97. McDonald, P. (2006) Low Fertility and the State: The Efficacy of Policy. *Population and Development Review*. 32 (3). pp. 485–510.
98. Klupt, M. (2010) Demograficheskaya povestka XXI veka: teoriya i realii [Demographic agenda of the 21st century: theory and reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 8. pp. 60–71.
99. Chernova, Zh. (2013) *Gendernyy analiz semeynoy politiki v sovremennoy Rossii: osobennosti i tendentsii* [Gender analysis of family policy in modern Russia: features and trends]. Abstract of Sociology Dr. Diss. Saratov.
100. Hochschild, A.R. (2003) *The Second Shift*. New York: Penguin Books.
101. Wierda-Boer, H.H. et al. (2009) Combination strategies and work-family interference among dual-earner couples in Finland, Germany, and the Netherlands. *Community, Work and Family*. 12 (2). pp. 233–249. DOI: 10.1080/13668800902778991

Received: 11 September 2015